



Новый Перевод

Оскар Уайльд

Счастливый Принц
— сказки —

Оскар Уайльд Счастливый принц. Сказки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63470253
ISBN 9785005187697*

Аннотация

Сборник сказок знаменитого викторианского писателя Оскара Уайльда в переводе Алексея Козлова. Великолепный эстетизм, антибуржуазность и зачатки социалистического мировоззрения гармонично сливаются в удивительное творчество.

Содержание

Счастливый Принц и Другие Сказки	5
Счастливый Принц	5
Соловей и Роза	27
Великан-Эгоист	39
Преданный Друг	48
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Счастливый принц Сказки

Оскар Уайльд

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Оскар Уайльд, 2020

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2020

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-8769-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Счастливый Принц и Другие Сказки

Счастливый Принц

Высоко над городом на высокой колонне высилась статуя Счастливого Принца. С ног до головы он был покрыт крошечными листочками сусального золота. Два ярких Сапфира горели в его глазах, а рукоятку шпаги венчал потрясающий кровавый Рубин.

Разумеется, восхищение Счастливым Принцем не знало границ.

– Даже Флюгер-Петух его не переплюнет! – заявил Председатель Городского Совета, желавший остаться в памяти благодарных потомков страстным ценителем высоких искусств, – Это при том, что Флюгер, разумеется, гораздо ценнее и нужнее, чем какая-то железная статуя! – как будто извиняясь за свою непрактичность, тут же добавлял он. Что-что, а быть обвинённым в непрактичности никому в городе по вкусу бы не пришлось.

– Сынок! Сынок! Стремись походить на Счастливого Принца! – взывала чересчур здравомыслящая ма-

маша к крошке-сыну, который в это время, завывая, как сирена, и топая ногами, требовал вернуть ему Луну, – Знай, что Счастливый Принц не любит капризуль!

– Как окрыляет, что в мире нашёлся хоть один по-настоящему счастливый человек! – шептал про себя гонимый бедами горемыка, внезапно узрев вспыхнувшую в вышине сверкающую в ярких огнях, прекрасную статую.

– Ах, в самом деле, он смотрится просто как сущий ангел! – хором запели крошечные Приютские Дети, роем выпорхнув из величественного Даункрэштаунского собора. Они были все как на подбор в розовых шёлковых пелеринках и кипельно-белых крахмальных передничках.

– С чего вы взяли? – поднял брови Учитель Математики. Потом брови его нахмурились и глаза сошлись в одной точке, – Вы что, хотите сказать, что каждый день тусуетесь с ангелочками? – уточнил он.

– Мы каждый день общаемся с ними... в своих волшебных снах! У-у-у! В волшебных сна-ах! – замогильным хором ответили дружные Приютские Детишки и Учитель Математики отскочил от них в сторону и внезапно посерьёзней. Ему явно не могло понравиться, что Приютские Дети оказались способными видеть волшебные сны.

Как-то раз ночью над городом летела маленькая городская Ласточка.

Все её подружки вот уже семь недель как улетели в жаркий Египет, а она не полетела за ними следом, ибо была по уши влюблена в гибкий Болотный Тростничок. Он был так строен и красив, что не влюбиться в него было просто грех!

Ранней весной, когда она гонялась за шустрым голубым мотыльком, она внезапно увидела его и потрясённая его красотой и ладным стройным станом, так и застыла в воздухе с открытым от удивления клювиком.

– Можно, я буду любить тебя? – сразу воскликнула Ласточка, ценившая во всём определённости и прямо-ту. И Тростничок галантно расшаркался ей в ответ.

И тогда Ласточка стала носиться над ним, порой чиркая крылом по воде, оставляя на ней сверкающий, серебряный след. Так она демонстрировала свою великую любовь к своему Тростничку. Так всё лето продолжались её весёлые пролёты над головой Тростника.

– Что за идиотский роман? – щебетали, переглядываясь, другие ласточки, – Её ненаглядный Тростничок гол, как сокол, и к тому же на шее у него сидит целая орава безштанной, нищей родни! Голытьба, да и только!

В принципе, они не лгали, ибо вся речка к тому времени густо поросла бросовым болотным тростником.

Наконец пришла осень, и все ласточки улетели на юг.

Лишившись своих подруг, Ласточка будто осиротела, и её тяга к Тростничку угасла и стала постепенно казаться ей тягостной, никчёмной обузой.

Господи, боже ты мой! Из него и слова-то не вытянешь! Он как немой! Такой, честно говоря, корявый! – укоризненно чирикала Ласточка, – И к тому же, кто мне даст гарантию, что он так же, как со мной, не кокетничает с каждым залётным легкомысленным ветерком?

И в самом деле, чуть ветер колыхнёт тростник, как Тростничок гнётся и кланяется всем во все тяжкие.

– Кажется, он отпетый домосед, да ведь я-то так люблю путешествовать по миру, и если у меня появится муж, ему не мешало бы полюбить то же, что люблю я! – резюмировала Ласточка.

Тростничок помалкивал и только жалко вихлялся на ветру.

– Летим со мной! Ты полетишь со мной в дальние страны? – наконец решила предложить Ласточка, но её Тростничок только горестно покачал головой, ведь он был так привязан к своему болоту, прикован к гнилой топи, как иные не привязаны к роскошным

королевским апартаментам.

– Как ты мог так играть моей чистой любовью? – возмутилась Ласточка, – Как мог? Кто ты есть после этого? Ну тогда прощай навеки! Оставайся, коль хочешь! А я лечу к высоким Пирамидам Египта! Прощай!

Он не ответил.

Тогда она гордо повернулась к нему спиной и полетела в Египет.

Дни и ночи летела она, и как-то ночью, как ей показалось, прилетела в Египет.

Но это был не он.

– Интересно, где мне здесь лучше остановиться? Надеюсь, город приготовился достойно встретить меня?

И тут она увидела высокую колонну и на ней – сверкающую, золотую статую Счастливого Принца.

– Вот и ладненько! Прекрасное место для моего обустройства, с массой свежего воздуха и Солнца! – решила она.

У ног Счастливого Принца Ласточка наконец нашла себе надёжное прибежище.

– Теперь у меня есть своя маленькая золотая спаленка! – потянулась она всем телом, изнемогая от ласковой неги. Она спрятала головку под крыло и уже отходила ко сну, как вдруг на неё обрушилась огромная

холодная капля.

Ласточка встрепенулась.

– Интересно получается! На небе нет ни одного облачка! Звёзды сияют так ясно, словно они из алмазов и хрусталиков! Откуда тут взялись холодные дождевые капли? Да ещё такие крупные! Однако каким холодным стал ныне климат Северной Европы! Как неуютна она сейчас! Как ужасно находиться здесь! Как страшно жить среди снегов и льдинок! Да, надо признать, что мой ненаглядный Тростничок не зря обожал сырость, промозглую слякоть и дождь, но он был известный эгоцентрик! Эгоист!

Тут вторая капля последовала вслед за первой. Если вы думаете, что она была более тёплой и менее увесистой, вы очень ошибаетесь.

– Какой толк от этих дурацких статуй, если под ними даже не удаётся укрыться от дождя? – возмутилась Ласточка, – Поищу-ка я себе какую-нибудь более гостеприимную печную трубу на крыше! Закопчённые печные трубы, оказывается, более надёжные прибежище, чем золотые фалды статуй!

И Ласточка встрепенулась и приготовилась лететь искать себе иной приют.

Но едва она успела вспорхнуть крылышками, как третья, самая тяжёлая, самая холодная капля обрушилась ей на прямо на голову.

Ласточка задрала клювик и в испуге глянула вверх. И что же предстало её удивлённому взору?

Она увидела огромные, полные слёз глаза Счастливого Принца. Алмазные слёзы заливали его позолоченные щёки и катились вниз по его серебряным губам. Его лицо было так прекрасно в ажурном лунном сиянье, что сердце Ласточки сжалось от внезапно нахлынувшей жалости и сострадания.

– Кто вы? – спросила она.

– Я – Счастливый Принц! – трубно ответил Счастливый Принц.

– Почему ты плачешь? Я уже насквозь промокла от твоих слёз! – наклонила головку Ласточка.

– Когда-то я был живым человеком, и у меня было живое, горячее, любящее сердце! Я не знал, что в мире существуют слёзы! – простонала Статуя, – В то время я жил совершенно беззаботно во дворце Сан-Сусси, где перед слезами и скорбью навеки заперты все двери! Днём следовали забавы с друзьями, а по вечерам мы до упаду танцевали в Великой Зале. Вся территория Сада была обнесена высокими стенами, и мне даже в голову не приходило хоть раз спросить у кого-нибудь, что творится за этой высокой стеной! Все приближённые, как один, в один голос звали меня «Счастливым Принцем», и, видит бог, я и в самом деле был счастлив, если счесть счастьем только искусство

наслаждения жизнью. Так я прожил всю свою жизнь, в удовольствиях и забавах, так я и умер, когда пришёл мой час. И затем, когда я был уже мёртв, меня водружили стоять здесь, в этой выси, так высоко, что теперь мне отсюда видны все печали, горести и нищета моей великой страны. Сердце моё теперь из олова, но даже оно не способно сдержать скорбных слёз!

«Гляди-ка, оказывается он не весь из чистого золота!» – отметила про себя Ласточка, ничем не выдав, однако, тайну своих мыслей, она ведь была уж очень прилично воспитанной барышней.

– Вот там, вдалеке, в тёмной, узкой улочке, стоит убогая лачуга! – заговорила Золотая Статуя тихим, ровным, приятным, мелодичным голосом, – В лачужке только что открылось одно окошко, и теперь мне стала видна женщина, которая недвижно сидит у стола. О, какое измождённое у неё лицо, какие грубые, натруженные, какие красные у неё, мозолистые руки! Издали не видно, что они сплошь исколоты тонкими, острыми иглами! Это потому, что она швея! Ей выпало вышивать сплетённые страстоцветы на новом шёлковом наряде самой прекрасной из королевских фрейлин. В этом платье она должна явиться на ближающийся королевский бал. А между тем, там, в углу её хибарки, за перегородкой, плачет её хворое, бедное дитя. Её первенец, мальчик бредит в лихорадке и про-

сит дать ему апельсин. Но у матери нет ничего за душой! Бедная мать ничего не может ему дать, кроме холодной речной воды! Она молчит, а её малыш плачет. О, моя Ласточка! О, моя милая, добрая Ласточка! Не будешь ли ты так добра, не снесёшь ли ты бедной матери большой рубин из рукояти моей золотой шпаги? Ты видишь, мои ноги наглухо прикованы к пьедесталу, и я не могу ни на йоту сдвинуться с места!

– Меня уже просто заждались в Египте! – сказала Ласточка, – Мои ненаглядные подружки кружат над Нилом, потом спускаются вниз и болтают с большими цветами лотоса! А потом отправляются на ночлег в гробницу Великого Короля. А сам Король в это время лежит в своём роскошном расписном гробу. Он весь замотан в полосы жёлтой ткани и набальзамирован благовониями, тайными составами и целебными травами. Его шею облегает бледно-зелёная нефритовая цепь, а руки его ссохшиеся и корявые, как опавшие осенние листья.

– Ласточка, Ласточка! Милая Ласточка! – попросил Принц, – Ты не останешься со мной этой ночью? Ты не станешь моей посланницей? Малыш исходит от жажды и мать его впала в беспросветную тоску!

– Не думаю, что мне по нраву мальчишки! – дипломатично ответила Ласточка, – Прошлым летом, когда я жила на реке, там было двое злобных мальчишек, сы-

новой мельника, которые только и делали, что швырялись в меня камнями. Разумеется, они не попали в меня ни разу, нас, ласточек, не надо учить летать, к тому же моя семья с древнейших времён была славна своей вёртлявостью, но, право же, это было так нетактично!

Но Счастливы Принц имел такой грустный вид, что Ласточке стало ужасно жаль его.

– Здесь так промозгло, – сказала она, – но я останусь этой ночью рядом с тобой и стану твоим посланцем.

– Маленькая Ласточка! Благодарю тебя!

Затем Ласточка выклевала из рукояти меча Принца большой кровавый рубин и полетела вместе с ним над черепичными городскими крышами.

Когда она пронеслась над королевским дворцом, она услышала чарующие звуки громкой танцевальной музыки.

Прекрасная девушка выскочила на балкон вместе со своим возлюбленным.

– Как чудесны звёзды над нами! – шепнул он ей, – И как чудесна сила любви над людьми!

– Я надеюсь, моё новое платье поспеет к грядущему королевскому балу! Я повелела разбросать по нему яркие страстоцветы, но боюсь, нынешние швеи такие лентяйки!

Ласточка перемахнула через реку, и увидела фо-

нарные огни на корабельных мачтах. Следом за этим она миновала Гетто и видела старых евреев, размахивающих руками, торгующихся между собой и взвешивающих монеты на медных весах. В конце концов она увидела нищую лачугу и сквозь мутное окно заглянула внутрь её. Мальчик изнывал от жары и метался в кровати, а мать его впала в забытё, так она была измучена. Ласточка залетела внутрь каморки и бросила огромный рубин на стол, рядом с иглой и напёрстком швеи. Затем она стала ласково летать над кроватью, трепеща крылышками и обдувая младенца целительной прохладой.

– Как мне хорошо сейчас! – прошептал мальчуган, – Скоро мне полегчает!

И впал в приятную сонливость.

Затем Ласточка вернулась обратно к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всём, что видела.

– Как странно, – заметила она, – мне сейчас так тепло, хотя кругом царит лютая стужа!

– Это потому, что ты совершила добрый поступок! – сказал Принц.

И Маленькая Ласточка так сильно задумалась над всем этим, что мгновенно уснула. Так было всегда. Стоило ей задуматься, как на неё нападал сон.

Как только на востоке забрезжило утро, Ласточка полетела на речку купаться.

– Какой замечательный феномен, – сказал Профессор Орнитологии, прогуливаясь в этот час по мосту, – Ласточка зимой!

И он бросился писать длинное письмо в местную газету. Все зачитывали статью до дыр, хотя не понимали в ней ни слова.

– Ночью отправлюсь в Египет! – решила Ласточка.,

Она облетела все самые высокие места и теперь сидела на страшной высоте на шпиле соборной колокольни. Где бы она ни была, всегда вокруг неё трещали вездесущие воробьи:

– Что за странное отродье! Что за странное отродье! Отребье!

Наверняка они считали её знатной залётной птишкой и завидовали ей, и это так льстило скромному самолюбию Ласточки.

Как только расцвела полная Луна, она полетела назад к Счастливому Принцу.

– У тебя есть другие наказы в Египет? – крикнула она, – Я улетаю сию минуту же!

– Ласточка! Ласточка! Милая Ласточка! – воззвал Принц, – Пожалуйста останься ещё на одну ночь вместе со мной! Пожалуйста! Не покидай меня!!

– Меня ждут в Египте! – грустно отвечала Ласточка, – Этим утром мои подружки пересекут Вторые Пороги Нила. Там, в болотной чащобе нежатся тучные

гиппопотамы, и на огромном гранитном троне высится сам Всесильный Бог Мемнон. Все ночи напролёт он караулит звёзды, и как только падает утренняя звезда, он издаёт громкий победный клич. В полдень жёлтые Львы важно шествуют к реке на водопой. Глаза у них как яркие зелёные бериллы, и их рык громогласен, как рёв водопада.

– Ласточка, Ласточка! Милая Ласточка! – сказал Счастливы Принц, – Далеко-далеко в этом городе я вижу в мансарде одинокого юношу! Он низко склонился над столом и изучает какие-то бумаги! И прямо перед ним стоит стакан с увядшими фиалками. У него алые, как спелые гранаты, губы, выющиеся каштановые локоны выются, а широко открытые глаза полны мечтательности. ОН пытается завершить пьесу для Директора Театров, но он слишком озяб, голоден и бессилен для этого. Нет больше огня в его очаге, и пальцы не слушаются его.

– Хорошо! Я останусь с тобой рядом ещё на одну ночь! – сказала Ласточка, у которой в груди билось воистину доброе сердце, – Можно я отнесу ему другой твой рубин?

– Увы! У меня больше нет рубинов! – сказал Принц, – У меня остались только мои глаза! Мои глаза – редчайшие сапфиры, добытые в Индии тысячу лет назад. Выключь один из них и отнеси, отдай ему.

Он отнесёт глаз ювелиру и продаст, и купит дрова для своего потухшего очага, и тогда сможет завершить свою пьесу.

– Мой дорогой Принц, – сказала Ласточка! – Я не могу так поступить!

И она горько заплакала.

– Ласточка, Ласточка! Милая Ласточка! Тогда я приказываю тебе! Сделай так!

И тогда Ласточка расклевала глаз Принца и неся сапфир в клюве, полетела искать лачужку студента. Так легко было проникнуть к нему в жилище сквозь дырявую, ветхую крышу! Сквозь дырявую крышу они и проникла в комнату юноши. Юноша сидел недвижно, закрыв лицо руками и совсем не слышал ласкового трепета её лёгких крыльев. Но когда он очнулся и огляделся вокруг, он вдруг обнаружил в букете засохших фиалок изумительный, яркий сапфир.

– Кажется, меня начинают ценить! – закричал он ликующе, – Это явно дар от какого-то верного поклонника! Теперь я смогу наконец закончить пьесу!

И всё его лицо озарилось неземным счастьем.

На следующий день Ласточка устремилась в Гавань.

Она уселась на вершину мачты огромного корабля, и стала с любопытством наблюдать, как матросы на длинных канатах тащили из трюма большие дере-

вянные ящики.

– Хей-я! Ахой! Давай! Налегли! Дружно все! Разом! – орали они, когда очередной ящик плавно шёл наверх.

– Я отправляюсь в Египет! – весело кричала Ласточка, никем не слышимая, ибо никому не было до неё ровным счётом никакого дела.

И только когда в небе расцвела новая Луна, Ласточка вернулась назад к Счастливому Принцу.

– Я пришла для того, чтобы просто сказать тебе «Прощай!» – крикнула она.

– Ласточка, Ласточка! Милая, маленькая Ласточка! – сказал Принц, **– Не могла бы ты остаться со мной ещё на одну ночь! Умоляю тебя!**

– Уже зима! – ответила Ласточка, **– И скоро холодный снег закроет всё вокруг! А в Египте светит жаркое Солнце. Оно ласкает зелёные листья пальм и крокодилы залегли глубоко в тине и лениво посматривают по сторонам! Мои напарницы выют гнёзда в Баальбекском Храме, а белые и розовые голубки смотрят на них, и воркуют друг с дружкой. Дорогой мой Принц, я должна покинуть тебя, но я никогда не забуду тебя, и следующей весной я вернусь и принесу тебе два драгоценных камня вместо тех, которыми ты поделился! Этот рубин будет краснее самых алых роз, и сапфир – лазурнее самых синих морских волн!**

– Там внизу, в сквере, – сказал Счастливый Принц, – потерялась совсем маленькая девочка. Она стоит и торгует спичками, – Смотри, она только что выронила коробку спичек в канаву, и спички теперь залиты водой. О, горе! Когда её отец узнает об этом и она не принесёт в дом денег, он убьёт её! И поэтому она в отчаянье, кричит и плачет! На ней нет, ни башмаков, ни чулков, ни перчаток, и её юная головка открыта холоду и ветру. Разорви мой второй глаз, лета и дай его девочке, отец не должен убить её!

– Я готова остаться с тобой ещё на одну долгую ночь, но не могу выклёвывать твой второй глаз! Ты ведь тогда ослепнешь навсегда!

– Ласточка, Ласточка! Милая Ласточка! Следуй воле моей!

И тогда Ласточка расклевала другой глаз Принца, слетела вниз и уронила в ручку девочки бесценный сапфир.

– Какая миленькая, чудная стекляшка! – закричала малышка, и побежала, смеясь, домой.

Тогда Ласточка снова вернулась к Принцу.

– Теперь ты слеп, и я останусь с тобой навеки!

– Нет, маленькая добрая Ласточка! – сказал бедный, несчастный Принц, – Ты ведь должна лететь в Египет! Не забывай об этом!

– Я останусь с тобой навеки! – сказала Ласточка,

и уснула в ногах у Принца со счастливой улыбкой на устах.

Весь следующий день она просидела на плече у Принца, рассказывая ему о том, что она видела в дальних, заморских краях. Она рассказала ему о красных ибисах, которые стройными рядами стоят на берегах Нила, ловя золотых рыбок длинными клювами, о Сфинксе, который более стар, чем этот Мир, и потому знает всё на свете, о путешествующих купцах, которые медленно бредут на своих верблюдах, всё время перебирая чётки, о Короле Лунных Гор, что чёрен как эбонит, и обожествляет огромный блестящий кристалл, об огромном Зелёном Змее, который живёт на пальмовом дереве и кормится с рук двенадцати жрецов медовыми плюшками, и о крошечных пигмеях, что плавают по бескрайнему озеру на лодках, сделанных из одного листа – они только и делают, что сражаются с кровожадными бабочками.

– Милая маленькая Ласточка! – сказал Принц, – Ты рассказала мне о таких удивительных чудесах, но самое удивительное в мире – это страдания простых мужчин и женщин. Нет Мистерии величественней, чем Горе! Облети весь город, маленькая Ласточка, и поведай мне обо всём, что увидишь в мире!

И тогда Ласточка облетела весь этот огромный город, и узрела, как в роскошных покоях веселятся и ку-

тят богачи, а нищие, как гроздь засохших ягод, сидят у городских врат. Она пролетала над тёмными грязными проулками, и видела бледные личики голодающих детишек, без надежды взирающих сквозь мутные окна на чёрные, пустые улицы. Под аркой моста два маленьких мальчугана лежали, прижавшись друг к другу, пытаясь согреться.

– О, как мы голодны! – кричали они, – Как нам хочется есть!

– Здесь вам не место для лёжки! – орал на них стражник, и они побежали прямо под пронизывающий дождь.

И Ласточка вернулась обратно к Принцу, и рассказала ему обо всём, что ей пришлось увидеть в городе.

– Я весь с ног до головы покрыт золотом! – признался Принц, – Ты должна содрать его с меня всё, до последнего листочка, кусочек за кусочком, листик за листиком и раздать его моим бедняжкам, живые, они только и грезят о нём, думают, что одно золото может дать человеку невозможное счастье!

Золотой листочек за золотым листком Ласточка сдирала прекрасное сусальное золото со статуи, до тех пор, пока Счастливый Принц не стал выглядеть тускло и серо, как кусок железа. Листок за листком относилась она чистое золото беднякам, и детские личики розовели и они начинали улыбаться и играть в свои

весёлые уличные игры.

– Теперь у нас есть хлебушек! – кричали они радостно.

Скоро пошёл снег, и следом за снегом пожаловал и мороз. Улица сверкала, словно покрытая серебром, длинные сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на карнизах домов, все укутались в теплые шубы и маленькие дети в алых шапочках раскатывали по улицам на коньках.

Бедная маленькая Ласточка зябла всё сильнее и сильнее но она не собиралась покидать, Принца, так сильна была её любовь к нему. Она клевала жалкие крошки близ двери булочной, когда булочник отворачивался и пыталась согреться, хлопая ледяными крыльями.

Но в конце концов она поняла, что пришло её время умирать. У неё хватило сил только на то, чтобы в последний раз с трудом взобраться на плечо Счастливого Принца.

– Прощай же, милый Принц! – пролепетала она, – Позволь мне облобызать твою руку?

– Я так счастлив, что ты наконец улетаешь в Египет, моя маленькая Ласточка, – только и смог сказать Принц, Ты слишком долго оставалась со мной здесь. Ты можешь поцеловать меня в губы! Потому, что я люблю тебя!!

– Я улетаю не в Египет! – прошептала Ласточка, – Я лечу в Дом Смерти! Смерть – это родной брат Сна, не так ли?

И она поцеловала Счастливого Принца в губы, и тотчас упала мёртвой у его ног.

В это мгновение странный треск раздался в груди статуи, как будто что-то оборвалось и разбилось. Это раскололось оловянное сердце Принца. Вот какой жестокий мороз ударил в тот день!

Назавтра рано утром Мэр Города прогуливался в сквере вместе с Муниципальным Советником. Когда он поравнялся с колонной, он взглянул на статую.

– Боже мой! В какого жалкого оборвыша превратился наш Счастливый Принц! – воскликнул он.

– Настоящий оборванец! Вы совершенно правы! Совершенно! – закричал Муниципальный Советник, которому было не по чину спорить с Мэром.

И они приблизились к статуе, чтобы лучше рассмотреть её.

– Так-так! Рубина нет на рукояти меча, далее – у него совсем нет глаз, да и золота нет и в помине! – режюмировал Мэр, – Теперь он хуже любого попрошайки!

– Вот именно! Хуже попрошайки! Факт, он не лучше любого городского попрошайки! Факт! – как болванчик, закивал головой ушлый Государственный Со-

ветник.

– И в довершение всего у его ног валяется какая-то мерзкая,дохлая птица! – резюмировал Мэр, – Мы обязаны издать вердикт, что птицам умирать здесь отныне категорически за-пре-ще-но!

И Муниципальный Советник сделал об этом отметку в своей Записной Книжке.

Тут приковылял радостный полковник Щёголь и статую Счастливого Принца моментально свергли с пьедестала.

– Если в чём-то нет былой красоты, то эта штука уже совершенно бесполезна! – ткнул в небо пальцем Профессор Дегенеративных Псевдо-Искусств, преподававший в местном университете Подплинтусную Аквариумно-Клеточную Композицию, Курс Истории Блошиного Холокоста и Практикум Обязательной Крысиной Эрзац-Толерантности.

Статую свезли в металлолом и расплавили, после чего Мэр срочно созвал Городской Совет, чтобы решить, что делать теперь с этой уродливой грудой металла.

– Нет, нам, разумеется, необходима новая статуя! – трепетно заявил он, – И теперь пусть она изображает мою персону!

– Нет, мою! Нет, мою! – один за другим зачастили Государственные Советники. Скоро они все перессо-

рились. Недавно мне сказали, что они до сих пор заседают в Городском Совете и грызутся между собой, как собаки.

– Какая странная штука! – нахмурился Главный Литейщик, – Одно разбитое оловянное сердце никак не желает плавиться в печи! Давайте-ка выбросим его на свалку!

И они бросили оловянное сердце в кучу грязи вместе с мёртвой Ласточкой.

– Принесите мне две самые благородные вещи, какие были в этом городе! – сказал Бог одному из своих Ангелов. И Ангел принёс Ему оловянное сердце и мёртвую птицу.

– Твой выбор верен! – сказал Бог, – Потому что в моём Райском Саду только эта мёртвая Птичка будет петь во веки вечные, и в моём Золотом Граде только Счастливый Принц будет слагать мне вечную хвалу!

Соловей и Роза

– Она сказала, что будет танцевать со мной, если я преподнесу ей алую розу! – закричал юный Студент, – Но в моём саду совсем нет алых роз!

В своём гнезде в кроне дуба это услышал Соловей и, удивившись, выглянул из гнезда.

– Ни одной алой розы нет в моём саду! – продолжил голосить Студент и его прекрасные очи наполнились слезами. – Ах, от каких мелочей часто зависит людское счастье! Я перечитал всё, что написали мудрецы мира, и познал все секреты философии, но оттого, что у меня нет алой розы, моя жизнь разбита на куски!

– Наконец здесь появился настоящий влюблённый! – прошептал про себя Соловей, – ночи напролёт я воспевал его, хотя и не знал о его существовании, ночи напролёт я рассказывал о нём холодным звёздам, и вот он пред моими глазами! У него тёмные волосы, они темнее гиацинта, и у него алые губы, такие же алые, как розы, которых он так жаждет, но страсть выбелила его лицо, и оно стало палевым, как слоно-вая кость, а печаль бросила тень на его лик. о

– Следующей ночью Принц даёт бал! – шептал юный Студент, – И моя любовь тоже будет там! Если я принесу ей розу, она будет танцевать со мной до упаду!

Если я подарю ей алую розу, она падёт в мои объятия, она преклонит головку мне на плечо, и её рука будет покоиться в моей. Но нет алой розы в моём саду, и я буду сидеть одиноко, и она не заметит меня и пройдёт мимо! Ей будет совсем не до меня, и моё сердце будет разбито!

– Вот наконец настоящий влюблённый! – сказал Соловей, – То, о чём были мои песни, он воплотил в жизнь, что для меня шутка, для него – рана! Несомненно, любовь – чудесная штука! Она много ценнее изумруда и желаннее лучшего опала. Жемчугом и гранатом любовь нельзя купить, и её не отыщешь на рыночной площади! Её не выторгуешь у купца и не выменяешь у менялы на золото!

– Музыканты будут сидеть у себя на хорах, – твердил, как заведённый, юный Студент, – и играть на струнных инструментах, а моя любовь будет плясать под звуки арф и скрипок. Она так воздушна в танце, что кажется, что её ноги совсем не касаются земли! И придворные в роскошных нарядах будут окружать её и толпиться вокруг неё! Но со мной она танцевать не станет, потому что у меня нет алой розы, чтобы подарить её ей.

И он ничком повалился в траву, охватил голову руками и завыл.

– О чём он так вопит? – спросила маленькая Зелё-

ная Ящерка, пробегая мимо с задранным хвостом.

– О чём, в самом деле? – заинтересовалась Бабочка, планируя вслед за солнечным лучом.

– О чём, в натуре? – спросила, обращаясь к своей соседке нежным, низким басом, Маргаритка,

– Он вопиёт об алой розе, которой у него нет! – ответил Соловей.

– Об алой розе? – закричали все хором, – О, как это пикантно! Как любопытно! Как романтично! – и маленькая Зелёная Ящерка, имевшая склонность к известному цинизму, громко расхохоталась.

Но только один Соловей знал секрет печали Студента, и тихонько сидел на вершине высокого дуба и размышлял о мистических таинствах любви.

Внезапно он растворил свои серые крылышки для взлёта и взвился в эфир. Он рассекал воздух, пролетая над рощей тихо, словно тень и как неясная тень проплыл над меркнувшим садом.

Прямо в центре травяной клумбы гордо высился прекрасный Розовый Куст. И когда Соловей увидел его, он облетел вокруг и уселся на развилку веток.

– Подари мне свою алую розу! – взвизгнул Соловей, – А я за это спою тебе свою самую сладостную песню!

Но в ответ Розовый Куст только покачал головой.

– У меня белые розы! – ответил он, – Они белые, как

морская пена и белее заснеженных горных вершин. Но тебе лучше пойдй к моему брату, который растёт прямо под солнечными часами, скорее всего он знает, как тебе помочь!

Так Соловей отправился в полёт, ему хотелось поскорее найти Розовый куст, который рос под Солнечными часами.

– Дай мне алую розу! – застонал он, – И я спою тебе свою самую сладостную песнь!

Но Розовое Дерево только покачало главой.

– Мои розы жёлтые! – ответил оно, – Такие же жёлтые, как кудри русалки, сидящей на янтарном троне, и даже желтее бледно-жёлтых нарциссов, которые были скошены на цветущем лугу острым лезвием косяра. Но ты пойдй к моему ненаглядному братцу, который растёт прямо под окном студента, и возможно, он поможет тебе найти то, что ты ищешь!

Так Соловей полетел дальше и скоро оказался над Розовым Кустом, который рос прямо под окнами комнаты студента.

– Дай мне алую розу, – закричал он, – И за это я ублажу твой слух своей самой завораживающей мелодией на свете!

Но Розовый Куст только покачал головой.

– Мои розы столь же красны, как лапки голубки, и много краснее, чем гирлянды кораллов, колеблю-

щихся, как сказочные китайские веера в глубоких пещерах на дне океана. Но зима заморозила кровь в моих жилах, мороз искусал мои почки, и шторм долго ломал мои нежные ветви. Вот почему в этом году я не могу позволить себе завести ни одной алой розы!

– Всего одна алая роза! Вот всё, о чём я мечтаю! Вот всё, что я прошу! – в глубоком отчаянье закричал Студент, – Всего лишь одна алая роза! Я не знаю, где её можно найти сейчас! Может быть, ты знаешь?

– Я знаю способ! – сказал розовый Куст, – Но он так страшен, так опасен, что я едва ли осмелюсь открыть рот, чтобы поведать тебе о нём!

– Так расскажи же мне о нём поскорее! – закричал Соловей, – Ты же знаешь, я не из пугливых!

– Если тебе желанна алая роза, тебе ничего не останется, как самому соткать её из звучания песни при полной Луне, если ты обагришь её кровью собственного сердца! Тогда ты будешь петь мне, всё сильнее прижимаясь грудью к моему шипу. Так всю ночь, всё сильнее

Затрепетав своими прижимаясь к моему шипу, ты должен петь мне, пока мой острый шип не пронзит твоего сердца насквозь, и твоя кровь не перетечёт в мои жилы!

– Смерть – непомерная цена за одну алую розу! – вскричал студент, – Жизнь дорога всем! Как чудесно

сидеть под пологом зелёного, цветущего леса и видеть Солнце в золотом сиянии и Луну в жемчужном свете! Боярышник благоухает сладко, синие колокольчики клонятся под ветерком в лугах и вереск ползёт по холмам! Как хорошо жить! Но только Любовь ценнее Жизни, и что такое сердечко какой-то залётной птахи пред большим сердцем Человека?

И затрепетав своими серыми крылышками, Соловей взвился в воздух. Как тень, он пронёсся над садом, и как тень прочертил воздух над рощей.

Юный Студент остался лежать на траве, и слёзы не прекращаясь, лились из его прекрасных очей.

– Возрадуйся! – кричал Соловей, – Возрадуйся! У тебя будет твоя алая роза! Я выкую её из музыки моего пения при полной Луне, и обاغрю её кровью своего горячего сердца. Я прошу тебя только об одном – будь верен своей любви, не изменяй ей, и даже если Любовь весомее Философии, потому что Любовь мудрее Мудрости и выше Философии, сколь ни весома и могущественна власть и государство, всё равно Любовь значительнее любой Власти. Её крылья – пылкий огонь, и тело её – всё из бушующего огня. Её уста сладки, как полевой мёд, а дыхание – чистый ладан!

Студент приподнялся из травы и во все глаза смотрел, совершенно ничего не понимая, ибо ему было внятно только то, что написано в книгах. Но Дуб всё

сразу понял, и его объяла печаль, потому что он был очень привязан к маленькому Соловью, и даже полюбил его за то, что он вил свои гнёздышки у него в ветвях.

– Спой мне напоследок свою песню! – шепнул он, – Когда тебя не будет, я буду сильно тосковать!

Зная, что у того идеальный слух, Соловей во всю глотку запел для Дуба, и его песня была подобна журчанию родниковой воды из серебряного кувшинчика.

Когда он закончил песню, Студент вылез из травы, вытащил из кармана карандаш и записную книжку и по пути домой из рощи, отметил про себя:

– Он чувствует форму! – твердил он, – Этого у него не отнимешь! Но я сомневаюсь, что за всем этим стоит чувство! Наверняка – нет! Почти наверняка он подобен всей этой братии художников – бездна мастерства и ни капли сочувствия! Он никогда не станет жертвовать собой ради других! Все его помыслы только о музыке, и всякому известно, как эгоистично искусство! Однако неоспоримо, что иные его трели очень трогательны. Но по сути они совершенно пусты и к тому же в них нет никакого практического смысла!

И затем он поспешил при свете Луны в свою комнату, растянулся на узкой койке, ушёл в мысли о своей любви и тихо погрузился в сон.

Когда полная Луна взошла на небеса, Соловей по-

мчался к Розовому Дереву, впорхнул в него и всей грудью прижался к его самому острому шипу.

Всю ночь напролёт он пел, всё крепче прижимаясь к шипу грудью, и холодная, кристально-чистая Луна, слушала его, всё ниже клоня лик. Всю ночь напролёт Соловей пел, и шип всё глубже и глубже вонзался в его грудь, и с каждой каплей его горячей крови из него уходила его жизнь.

Сперва он пел о зарождении Любви в сердцах мальчика и девочки. И на самом самом высоком стебле Розового Куста стала наливаться и распускаясь неопи-суемая по красоте роза. Песнопение следовало за песнопением, лепесток за лепестком. Сначала палевая, как утрений туман над рекой, бледная, как стопы богини Зари, прозрачная, как крылья рассвета.

Зыбкое отражение в серебряном зеркале, трепетное отражение в речной зыби – вот как являла свой лик Роза, распускаясь на самом высоком стебле.

А Розовый Куст всё настойчивее и громче кричал соловью ещё сильнее прижаться к острому шипу.

– Прижимайся сильнее, маленький Соловушка! – визжал Розовый Куст, – Не то день заалеет раньше, чем Роза взойдёт!

Соловей всё сильнее прижимался к окровавленному острию шипа, и всё громче и громче звучала его песня о зарождении Любви между мужчиной и девуш-

кой.

Деликатный румянец залил нежные лепестки Розы, подобные нежному румянцу на лице новобрачного, когда он в первый раз целует свою суженую. Однако шип ещё не коснулся сердца Соловья, и потому сердцевина Розы оставалась белой, ибо лишь живая кровь соловьиного сердца способна налить жизнью сердце Розы.

Снова и снова Розовый Куст призывал Соловья ещё крепче прижиматься к его шипу.

– Крепче, ещё крепче прижмись ко мне, милый Соловушка! – орало Розовое Древо, – Ибо день не должен наступить раньше, чем роза станет алой!

Соловушка бросился на шип, и его острое вдруг прикоснулось к его сердечку. И тогда нестерпимая, жестокая боль пронзила его трепетное тельце. Всё нестерпимее и мучительнее становилась боль в груди Соловья, всё громче звучала его песня. Теперь он пел о Любви, которая достигает вершины в своей Смерти, о бессмертной Любви, которой не страшна могила.

И тогда роза зарделась в своём великолепии, подобная утренней заре Востока. Кончики лепестков окрасились кремовым цветом, а её сердцевина алела теперь кроваво, как рубин.

Но теперь голос Соловья стал слабеть, наконец его крылья болезненно трепетали, его очи туманились.

Теперь песня его то и дело прерывалась и соловью казалось, что кто-то всё сильнее сжимает его сердце.

Наконец завершилась его прощальная трель. Белая Луна услыхала её, и словно позабыв о наступающем утре, замерла не небе. Алая Роза словно слышала её голос, и полностью раскрыла все свои лепестки, как будто в экстазе, и трепеща, простёрлась всем своим телом к первому утреннему лучу. Гулкое эхо повлекло последнюю трель Соловья к пурпурной пещере в горах, будя спящих в ней пастухов. Трель пронеслась по шумливым тростникам на реке и те понесли её и послали далёким морям.

– Смотри! Смотри! – кричал Розовый Куст, – Роза является нам в красе своей!

Ничего не ответил Соловей. Он лежал мёртвый в высокой траве с острым шипом в сердце.

В полдень Студент отворил окно и выглянул в мир.

– Как? Возможно ли большее счастье? – воскликнул он, – Алая роза здесь! Никогда в жизни я не видел розы прекраснее этой! Она так прекрасна, и я подозреваю, что она носит какое-то чересчур длинное Латинское имя.

И Студент высунулся из окна и сорвал Розу.

Потом он, схватив шляпу и сжав розу в руках, поспешил к Профессору.

Дочь Профессора сидела у порога дома и мотала го-

лубую шёлковую нить на катушку, и её крошечный дог примостился у её ног.

– Вы обещали мне танцевать со мной, если я принесу вам алую розу! – взволнованно воскликнул Студент, – Это наиалейшая Роза в мире! Этой ночью приколите её поближе к сердцу, и когда мы начнём танцевать, она расскажет вам, как сильно я вас люблю!

Но тут брови девушки нахмурились.

– Я опасаясь, что это не вполне подходит к моему наряду! – холодно ответила она, – И помимо всего, племянник Камергера прислал мне кучу настоящих драгоценностей, а ведь все на свете знают, что драгоценности куда дороже каких-то жалких цветов!

– Вот это ответ! И вот какова ваша благодарность! – горестно загнул Студент, и со злобой бросил розу на камни мостовой. Она скатилась в тележную колею и тут же была раздавлена тяжким колесом омнибуса.

– Неблагодарна? – Сказала, выпрямляясь, девушка звенящим голосом, – Я должна сказать вам, что вы нахал и грубиян, и, помимо всего, кто ты такой? Всего-навсего какой-то жалкий студентик! Ни за что не поверю, что у вас, господин студентик, имеются такие же чудные серебряные пряжки к башмакам, какие я видела у племянника Камергера?

И она надменно встала с кресел и исчезла в комнатах дома.

– Какая глупая нелепица – эта Любовь! – ахнул Студент, и побрёл прочь, – В ней нет и половины той пользы, что есть в Логике! Она только манит, никогда не исполняет своих несбыточных обещаний, и меж тем требует веры в невозможное! Факт, она так непрактична – как она нелепа в наш век, век практицизма, век пользы, век машинерии, вернись-ка я лучше к своей милой Подвальной Философии и начну штудировать Чердачную Метафизику!

Он заполз в свою пыльную каморку, скинул с полки огромную проеденную червями инкунабулу и стал перечитывать её наверно в сотый раз.

Великан-Эгоист

Каждый полдень, как только дети возвращались из школы, она как принято, заглядывали поиграть в сад Великана.

Это был большой, прекрасный сад, с мягкой, зелёной травкой.

Здесь повсюду из травы выстреливали, как звёздочки, головки изумительных цветов и здесь произрастали ещё двенадцать персиковых деревьев, каждую весну покрывавшиеся нежными розовыми и перламутровыми цветами, превращавшимися осенью в замечательные вкусные плоды. Птицы облюбовали эти деревья и обожали сидеть на них, распевая такие очаровательные песни, что дети прекращали свои игры, чтобы послушать их.

– Как здорово здесь! – кричали дети друг другу.

Как-то раз Великан вернулся домой. Он нанёс визит своему другу – Корнуэльскому Людоеду, и задержался у него в гостях на целых семь лет. За семь лет он наговорился всласть и переговорил обо всём, о чём может говорить уважающий себя великан. Его с трудом можно было назвать словоохотливым великаном, и наконец он решил вернуться в свой замок. Когда он возвращался, он увидел, что дети играют в его саду.

– Что вы здесь делаете? – заорал он жутким голосом, и дети бросились врассыпную.

– Мой собственный сад – это мой собственный сад! – сказал Великан, жажнув ногой в землю, – И любой должен знать, что никому не позволено играть здесь, кроме меня! Затем вокруг сада он возвёл высокую стену и и прибил к ней огромный биллборд:

«Вход запрещён!

Нарушителей ждёт суровая кара!»

Да, этот Великан на самом деле был большущим эгоистом!

Теперь бедным детям негде было играть. Они попытались играть на дороге, но там было так пыльно и валялось множество острых валунов, и детям не пришлось по вкусу играть там. Теперь, когда заканчивались уроки, они собирались возле стены и бродили вокруг, вспоминая свой прекрасный сад, который был теперь отгорожен стеной

– Как здорово нам было там! – говорили они друг дружке.

Затем, когда пришла весна, и везде вокруг набухли маленькие почки и поселились маленькие пташки. И только в саду Великана-Эгоиста по-прежнему царила Зима. Птицы не желали распевать свои песни там,

где не было детей, и деревья забыли цвести. Однажды прекрасный цветок высунул голову из травы, но когда он увидел грозный билл-борд, он так сконфузился из-за детей, что тут же спрятал голову в землю и впал в спячку. Из всех, кто был полностью доволен всем, остались только Снег и Мороз.

Весна позабудет про этот сад! – радостно воскликнули они, – И мы будем поживать здесь весь год напролёт!

Снег покрыл траву толстым белым ковром, а мороз расписал все деревья спящим серебром.

Затем Снег и Мороз призвали к себе в напарники Северный Ветер, и мгновенно он был тут как тут. Он весь был замотан в густые меховые дохи и целыми днями ревел и выл в саду, а порой стонал в печной трубе.

– Изумительное местечко! – шипел он, – Здесь не хватает только Града! Надо его пригласить сюда!

И Град не заставил себя ждать!

Каждый день три часа кряду он барабанил по черепичной кровле замка, пока от черепицы ничего не осталось, и с великой яростью катался по саду. Он был облачён в серые наряды и славился ледяным дыханием.

– Я отказываюсь понимать, почему так запаздывает Весна! – забеспокоился Великан-Эгоист, сидя пе-

ред окном и посматривая на свой холодный, белый сад, – Я надеюсь, что погода скоро улучшится!

Но Весна так и не явилась, а за ней не пришло и Лето. Осень одарила богатыми плодами все окрестные сады, кроме сада Великана-Эгоиста. Его она обошла стороной.

Он слишком эгоистичен! – сказала Осень. Теперь в саду Великана бродила только Зима, Северный Ветер и Град, и Мороз, вместе со Снегом плясали до упаду между голых деревьев.

Однажды утром Великан проснулся в своей постели, услышав нежную, тихую мелодию. Услышанная мелодия была так сладостна, что он поневоле подумал, не королевские ли музыканты едут мимо его замка. Но по настоящему это была всего лишь маленькая коноплянка, распевавшая за окном. Великан в своём замке уже столь долго не слышал пения птиц, что чириканье коноплянки показалось ему самой чудесной музыкой в мире.

Тут Град прекратил свои пляски у него над головой, а Северный Ветер перестал выть, и в приоткрытое окно потянуло невероятно приятным ароматом.

– Я верю, что Весна наконец вернётся сюда! – сказал Великан, взвился с постели и прильнул к окну и стал глядеть наружу.

Что же он увидел там?

Он увидел там совершенно удивительную картину. Через маленькую норку в стене дети проникли внутрь двора и расселись на ветвях всех деревьев. Куда бы ни смотрел Великан, на всех деревьях, на каждой из ветвей какой-нибудь ребёнок болтал ногами. И деревья так возликовали возвращению детей, что мгновенно покрылись листочками и зацвели, мерно качая ветвями над головами детишек. И птички весело порхали над их головами, щебеча от восторга, и головки цветов качались среди травы и смеялись, как нежные колокольчики. Это была просто незабываемая сцена, и только в одном углу сада осталась царить Зима. Это был самый дальний, самый тёмный угол сада, и именно там обнаружился ещё один маленький мальчик. Он был такой крошечный, что даже не мог дотянуться ни до одной ветки, и только ходил кругами вокруг дерева и громко рыдал. Бедное деревце было с ног до головы укутано снегом и льдом, и Северный Ветер крутился и выл над ним.

– Кар-рабкайся! Ползи вверх-рх! – проскрипело Дерево, и его ветви опустились к земле как можно ниже, но это не помогло – мальчик оказался уж слишком мал.

Когда Великан увидел это, сердце его растаяло от нежности.

– Каким эгоистом я был! – горестно вздохнул он, –

Теперь я понимаю, почему Весна не хотела идти сюда! Я посажу этого бедного мальчугана на самую верхушку самого высокого дерева, разломаю эту стену, впущу сюда Солнце и мой сад станет для детворы местом самых любимых детских игр. О, теперь я чувствую свою вину и понимаю, что натворил!

Тут он засеменил по лестнице, осторожно приоткрыл входную дверь замка и выскочил в свой сад. Но когда дети увидели его, они так струхнули, что кинулись врассыпную и в саду снова воцарилась Зима. Только самый маленький мальчик остался на месте. Его глаза были залиты слезами и поэтому он даже не заметил Великана. А Великан подкрался к нему со спины, осторожно поднял его и усадил на самую высокую ветку дерева. И тотчас зацвело дерево и покрылось яркими цветами, и птицы слетелись на дерево и стали петь, перелетая с ветки на ветку, а маленький мальчик ухватился за шею Великана и чмокнул его в щёку. И все остальные дети, когда увидели, что Великан уже не такой злой, вернулись бегом обратно, и следом за ними в сад вернулась Весна.

– Теперь это ваш сад, малыши! – сказал Великан, схватил свой огромный топор и в одно мгновение снёс стену. И когда люди в полдень пошли на рынок, они увидели Великана играющим с детьми в самом чудесном саду, какой можно сыскать на свете.

Весь долгий день дети играли в саду с Великаном, а когда настал вечер они собрались около Великана, чтобы пожелать ему спокойной ночи!

– А где же ваш маленький дружок? – спросил Великан, – Где мальчугашка, которого я посадил на вершину дерева?

Великан полюбил его больше всех, потому что мальчик поцеловал его в щёку.

– Мы не знаем! – хором пожали плечами дети, – Кажется, он куда-то делся! Улетел наверно!

– Вы должны передать ему, чтобы завтра утром он обязательно пришёл сюда играть! – сказал Великан. Но никто не знал, где живёт тот маленький мальчик, которого так полюбил Великан. Его больше никто нигде не видел. Великан очень заботился обо всех остальных детях и часто играл с ними в своём саду. Он часто вспоминал своего маленького приятеля, которого так долго не видел и часто грустил о своём первом маленьком друге.

– Наверно, я никогда больше не увижу его! – в отчаянье заключил он, – Больше всего на свете я хочу снова увидеть его!

Год катился за годом. С годами Великан сильно постарел и одряхлел. У него больше не хватало сил играть в саду, и он только тихо сидел, утопая в бездонном кресле, следя за играми детей и любуясь своим

совершенным садом.

– Здесь так много чудесных цветов, – твердил он, – но нет лучших цветов, чем дети!

Одним зимним утром во время одевания он посмотрел в окно. Теперь он перестал недолюбливать Зиму, потому что знал, что зимой Весна просто спит, а цветы дремлют.

Внезапно он широко открыл глаза, а потом стал тереть глаза. Он смотрел и смотрел в окно. И несомненно был очень изумлён, потому что то, что он увидел, было удивительно. В самом дальнем, самом укромном уголке сада было дерево сплошь покрытое прекрасными белыми цветами. Его ветви были золотыми, и усеяны серебряными плодами, а под деревом стоял маленький мальчик, которого он так любил.

Вне себя от радости Великан кинулся по лестнице в свой сад. Он бежал по высокой траве и остановился напротив мальчика. И когда он оказался совсем рядом с ним, его лицо внезапно стало багровым от гнева, и он сказал:

– Кто осмелился так изранить тебя?

Он увидел на ладошках мальчика кровавые следы от двух гвоздей, и на ступнях мальчика тоже были следы гвоздей.

– Кто посмел изранить тебя? – снова возопил Великан, – Скажи мне, кто, и мой меч мгновенно истребит

злодея!

– Никогда! – ответило дитя, – Это всего лишь раны Любви!

– Кто же ты? – спросил Великан, – и священный трепет обьял его. И он пал перед младенцем на колени.

А дитя улыбнулось Великану, и сказала:

– Как-то раз ты позволил мне играть в твоём саду, и сейчас ты пойдёшь вместе со мной в мой сад, имя которому – Рай!

И когда на завтра в полдень в сад прибежали дети, чтобы поиграть и повеселиться там, они увидели мёртвого Великана. Он лежал под деревом, широко раскинув руки, сплошь усыпанный холодными белыми цветами.

Преданный Друг

Как-то утром старая Водяная Крыса проснулась и высунула нос из своей норы. Глазки у неё были как маленькие блестящие чёрные бусинки, усики серые и толстые, а хвост был как длиннющий чёрный резиновый шнур. Крошечные утята плавали посреди пруда, жёлтые, как канарейки, а их мать, белая, как лунь, с красными-красными лапами, истошно старалась научить птенцов стоять в воде кверху ногами.

– Вам никогда не попасть в высший свет, если не научитесь стоять вниз головой! – кричала она, не уставая показывать им, как это делать.

Но маленькие утятки не обращали на неё ни малейшего внимания. Они были слишком юны, чтобы понять, как важно стараться преуспеть в обществе.

– Какие непокорные детишки! – взвизгнула Водяная Крыса, – Они достойны быть утопленными!

– Ничуть! – отреагировала Утка, – Все когда-то начинают, и родителям стоит быть более терпимыми к своим детям!

– Ах! Я не хочу ничего знать ни о каких родительских чувствах! – проскрипела Водяная Крыса, – Я не домашний человек! В самом деле, я никогда не была замужем, и это мне совсем по барабану! Любовь,

может быть, и неплохая штука, но дружба уж куда круче! Не будем спорить, я думаю, в мире нет ничего более потрясающего и более возвышенного обычной верной человеческой дружбы!

– И что, по вашему мнению, должен делать верный друг? – спросила Зелёная Коноплянка, уютно усевшаяся на ивовом пруте. Она недаром подслушивала чужой разговор.

– Да, что, я тоже хочу знать! – загорячилась Утка и рванула в дальний конец пруда, где ловко перевернулась вниз головой, показывая отеческий пример акробатики своим детям.

– Какой дурацкий вопрос! – заверещала Водяная Крыса, – Просто мой верный друг должен быть верен мне, а я уж, так и быть, буду верна ему!

– А чем вы заплатите ему за верность? – спросила любопытная птишка, покачиваясь на ивовом пруте и нетерпеливо трепеща крылышками.

– Что-то я вас совсем не понимаю! – пробурчала Водяная Крыса, разводя руками.

– Позвольте мне рассказать вам на эту тему одну историю! – чирикнула Коноплянка.

– Не обо мне ль? – иронично уточнила Водяная Крыса, – Если так, я – вся внимание! Я просто влюблена в изящную словесность! Без неё мне просто кирдык!

– Она подойдёт и вам! – дипломатично ответила Коноплянка, удивляясь непроходимой тупости водоплавающих.

Она вспорхнула с ивового прута и уселась на берегу, после чего принялась за обещанный рассказ о Преданном Друге.

– Давным-давно. где-то в наших краях жил да был очень честный маленький паренёк по имени Ганс...

– И он чем-то выделялся среди прочих? – полюбопытствовала Водяная Крыса, – Тут столько пареньков бродит, и все они ничем не отличаются друг от друга! Кто только тут не шляется!

– Ничем! – ответила Коноплянка, заморгав маленькими чёрными глазками, – Я не думаю, что он чем-то выделялся среди прочих, кроме как своим смешным, круглым, вечно улыбающимся личиком. Он жил одиноко в своей бедной лачужке и целыми днями копался в грядках у себя в саду. Во всей стране нельзя было отыскать сада прелестней его. Сладкий Вильямс, Левкой и Турецкая Гвоздика пышно росли здесь вместе с Французской Огнеголовкой. Здесь росли Розы, Жёлтые, Лиловые, и Золотые, Пурпурные и Белые Фиалки. Колумбины, Майоран и Дикий Базилик, Ирисы, Флава-дэ-Люс, Нарциссы и Гвоздика распускались и цвели здесь своим чередом каждый в своё время. Месяц проходил за месяцем, и один распутив-

шийся цветок сменялся другим, и таким образом сад всегда был полон распускающихся прекрасных цветов, которые очаровывали взор и радовали обоняние чудесными хмельными ароматами.

Хотя у маленького Гансика было очень много друзей, но самым преданным из них был здоровяк Хью Мельник. Кто спорит, верен был богатенький здоровяк Хью Мельник маленькому Гансу, да так, что каждый раз пробегая мимо ограды сада маленького Гансика, он всякий раз перевешивался через ограду и на ходу рвал себе целую охапки цветов или пучки целебных трав, а если приходила пора сбора плодов, жадно набивал карманы спелыми персиками и сладкими сливами.

– Всё у настоящих, верных друзей должно быть общим! – при этом приговаривал он, и маленький Гансик поддакивал ему и безмятежно улыбался во весь рот. При этом он испытывал чувство неопишуемой благодарности судьбе за то, что у него есть такой хороший, такой верный друг, исповедующий такие продвинутые, благородные взгляды.

Хотя надо признать, что порой соседи находили очень странным, что богатенький Хью Мельник никогда ничем не отблагодарит маленького Ганса, хотя у него есть целых шесть стельных коров и большое стадо тонкорунных баранов, не говоря уже о штабеле

мешков муки на мельнице. Но Маленький Гансик никогда не обращал внимания на такие мелочи и не знал большего счастья, чем широко раскрыв рот, слушать медоточивые речи Мельника, воспевающие прелести бескорыстной, преданной дружбы.

Так Маленький Гансик всё продолжал и продолжал упорно трудиться в своём саду.

Пока цвела Весна, шло Лето и катилась Осень, всё было хорошо, но когда нагрянула Зима, у маленького Ганса больше не осталось ни фруктов, ни цветов, чтобы отнести их на рынок, и ему пришлось тяжело сносить холод и голод. Очень часто он укладывался в свою холодную постель голодным, съев только горстку сушёных груш или несколько орехов. К тому же зимой он был невероятно одинок, потому что Мельник зимой никогда не навещал его.

– Ничего хорошего нет в том, чтобы идти к маленькому Гансу, пока снег не стаял! – твердил Мельник, сидя со своей женой в своей роскошной гостиной, – Когда людям трудно, нет ничего хуже докучать им своими нотациями! Лучше оставить их в покое и не мучить неуместными визитами! Я так понимаю идею дружбы, и мне кажется, что я прав! Подожду Весны, а уж тогда навещу его! К тому времени будет цвести первоцвет, и у меня будет, что набросать в корзинку! Вот радости будет у Ганса!

– Ты всегда слишком заботишься о других! – журила его Жена, усаживаясь в своё комфортабельное кресло, стоящее поближе к жаркому очагу, в котором пылали сосновые поленья, – Чересчур заботишься! Какое наслаждение слышать, как ты воспеваешь истинную дружбу! Я убеждена, что даже наш священник не в состоянии проявить такое блестящее красноречие, хоть у него и есть прекрасный трёхэтажный дом во владении! И он носит на пальце роскошный золотой перстень!

– Но почему бы нам не позвать маленького Гансика к нам сюда? – спросил самый маленький сын Мельника, – Если бедный Ганс в беде, я отдам ему половину моей овсянки, а потом покажу моего любимого белого кролика!

– До чего же ты глупый мальчишка! – заорал Мельник, – Теперь я даже не очень уверен, следует ли после такого посылать тебя в школу! Похоже тебя там ничему не смогут научить! Что если Ганс придёт к нам сюда, и увидит наш жаркий очаг, сытый ужин и бочонок красного винца перед собой, кто даст гарантии, что он не начнёт нам завидовать чёрной завистью? Я разве не долбил тебе, что в мире нет ничего гаже зависти, потому что она может испортить и развратить любого человека! Я обязан любой ценой уберечь бедного Ганса от этого соблазна! Ведь я – его един-

ственный верный друг и на мне лежит святая обязанность предохранить его от любых соблазнов! В дополнении к сказанному могу заметить – если бы случилось несчастье и Ганс всё-таки пришёл сюда, упаси бог, он мог бы не сдержаться и попросить у меня горсть муки в долг, чего я уж никогда не мог бы допустить! Дружба – дружбой, а мука – мукой, нечего мешать боб с горохом! Мука и дружба – совершенно разные понятия, разные слова, и они даже звучат непохоже! Каждому – своё! Это и без моих слов всем должно быть ясно, как божий день!

– Как божественна твоя речь! – отметила Жена Мельника, нацеживая себе знатную кружку тёплого вкусного эля, – Правда, я чуть не всхрипнула! Всё точно так же, как в нашей церкви!

– Многие умеют что-то неплохо делать, на мало кому дано об этом хорошо говорить! Отсюда вывод: хорошо говорить гораздо престижнее, чем делать!

И он стрельнул суровым взором в сторону своего маленького сынишки, которого застыдил так, что тот уронил голову на грудь, залился краской, как рак и стал ронять слёзы прямо в горячий чай. Но ради бога, не гневайтесь на него – он всего лишь слишком юн!

– Таков конец вашей сказки? И это всё? – ехидно осведомилась Водяная Крыса, шевеля усами.

– Упаси боже! – ответила Коноплянка, – Это лишь

начало!

– Кажется, вы не поспеваете за духом времени! – брезгливо заключила Водяная Крыса, – Любой приличный, уважающий себя рассказчик всегда начинает с конца, продолжает началом и триумфально заканчивает серединой! Это новая, продвинутая, модная метода! Я наслышалась об этом, когда, сидя в тине, подслушивала речи одного известного критика, который прогуливался около нашей лужи с каким-то молодым модником! Он распинаясь на эту тему так долго и без всяких сомнений, был совершенно прав, потому что у него был идеально круглый лысый череп и на носу у него громоздились очки невероятных размеров, и самое главное, стоило молодому человеку что-то вякнуть в ответ, как критик широко разевал пасть и орал: «Уф!» Но кажется, я отвлеклась! Прошу вас, продолжайте рассказывать свою историю! Мне страшно нравится этот Мельник! Хью, говорите? Прекрасно! По поводу него я преисполнена самых высоких ожиданий и чувств и кажется, глубоко понимаю мотивы его поведения!

– Ладно! – сказала Коноплянка, переминаясь с ножки на ножку, – Как только зима миновала, и первоцвет выбросил свои первые желтые звёздочки, Мельник сказал своей Жене, что наконец подошло время нанести визит Крошке Гансику.

– О, какое доброе сердце бьётся в твоей груди! – закричала Жена Мельника, – Ты только тем и занят, что думаешь об окружающих! Кстати, когда пойдёшь к нему, не забудь взять с собой большую корзину для цветов!

Затем Мельник приковал тяжёлой железной цепью крылья мельницы к ступору, взял огромную корзину и стал спускаться с холма.

– Добрейшее тебе утречко, Маленький Гансик! – ласково сказал Мельник.

– Доброе утро! – сказал Крошка Ганс, стоя, опираясь на большую лопату и расплываясь при виде гостя в широкой доброй улыбке.

– И как у тебя прошла зима? – спросил Мельник.

– По правде говоря, совсем неплохо! – воскликнул Гансик, – Это так любезно с вашей стороны, что вы беспокоитесь обо мне, дорогой Хью, но признаюсь, зимой мне порой приходилось ужасно туго, но все проходит, и уже наступила весна, и я очень счастлив, впрочем, так же, как и мои цветочки!

– Мы часто вспоминали тебя и толковали о тебе этой зимой, милый Ганс! – сказал Мельник, – Мы всё думали, как ты живёшь там, Гансик! Глаз не смыкали!

– Это так мило с вашей стороны! – отвечал Ганс, – А я уж было стал бояться, что вы совсем обо мне забыли!!

– Гансик, я тебе удивляюсь! – сказал Мельник, – Как ты мог подумать такое? Друга забыть невозможно! В этом и заключается чудо истинной, преданной дружбы! Но мне кажется, что тебе не очень свойственно понимание тонкой поэзии жизни! И между тем... Как однако прекрасны твои первоцветы!

– Они и вправду невероятно хороши! – не стал спорить Крошка Гансик, – Моя удача заключается в том, что они так хорошо уродились в этом году! Скоро я срежу их, чтобы отнести на базар и продам дочери бургомистра, а на вырученные деньги выкуплю свою садовую тачку!

– Выкупишь свою садовую тачку? Не хочешь ли ты этим сказать, что заложил даже свою тачку? Какую глупость ты сваял, однако!

– Ничего не попишешь! Нужда и не на такое подтолкнёт! Ты сам видишь, какое для меня страшное время – зима, и у меня не было денег даже на то, чтобы купить себе хлеба! Первым делом я заложил серебряные пуговицы со своей парадной куртени, затем заложил материнскую серебряную цепь, потом серебряную трубку отца, а затем уж и тачку! Но скоро я выкуплю всё это назад!

– Гансик! – сказал Мельник, – Хочешь, я дам тебе свою тачку? Честно говоря, она не в очень хорошем состоянии, одного борта, к сожалению, у неё нетути

и со спицами какая-то засада, но я с лёгким сердцем подарю её тебе! Конечно, я понимаю, какая это глупость – моя безоглядная щедрость, и если бы кто узнал об этом, меня бы все засмеяли, но я не такой, как прочие! Что это за дружба, если её не сопровождает искренняя щедрость, и к тому же недавно я купил себе новую тачку. Так что оставь думать о тачке, считай, что я уже подарил тебе свою!

– Я никогда не испытывал сомнений в том, сколь вы щедрый, благородный человек! – сказал тронутый Гансик и его потешное круглое лицо внезапно осветилось и расцвело искренней детской радостью, – Я легко почию тачку! У меня в сарае есть доска, и мне не будет стоять никаких трудов починить её!

– Неужели у тебя есть доска? – изумился такому богатству соседа Мельник, – Неужели? А я как раз ищу доску, чтобы починить крышу на сарае! У меня в кровле образовалась здоровенная дыра, и если я её не заделаю, дождь неминуемо зальёт моё зерно и оно пропадёт! Как кстати, какое счастье, что ты напомнил мне про доску! Как симптоматично, что одно доброе дело порождает другие добрые дела! И сейчас, когда я дарю тебе свою тачку, ты, надеюсь, готов подарить мне свою доску? Разумеется, тачка – гораздо более ценное приобретение, чем какая-то доска, но настоящая дружба не знает корысти! Тащи сюда поскорее

свою доску, а я сразу же примусь за ремонт кровли!

– Сей момент! – ответил Маленький Гансик, помчался в сарай и мигом приволок доску.

– Досочка, конечно, подгуляла! Совсем маленькая! – оценил, придирчиво оглядев дощечку, Мельник, – после того, как я починю крышу, на тачку почти наверняка ничего не останется, да только в этом я не виноват! А теперь, раз уж ты получил от меня в подарок тачку, изволь уж подарить мне побольше своих цветочков! Вот тебе корзина, иди и наполни её с верхом!

– С верхом? – испуганно прошептал Маленький Гансик упавшим, грустным голосом, узрев громадную корзину, которую ему сунул Мельник и понимая, что когда он наполнит её, у него не останется ни одного цветочка, который можно продать на рынке, а ведь ему так хотелось вернуть себе серебряные пуговицы.

– Да ладно уж тебе! – ответил Мельник, – Раз уж я согласился подарить тебе свою тачку, я подумал, что вправе попросить у тебя немного цветов! Может я и ошибаюсь, но я искренне полагал, что дружба, настоящая, преданная дружба должна быть чужда какой-либо расчётливости! Но я мог и ошибаться в тебе!

– Мой дорогой друг! Мой верный друг! – закричал Маленький Гансик, – Прошу вас, берите хоть все цветы из моего садика! Видит бог, ваше высокое мнение

обо мне гораздо ценнее каких-то серебряных пуговиц и трубки! Потом всё верну!

И он помчался в сад, срезал все цветы и наполнил ими громадную корзину Мельника.

– Пока, Маленький Гансик! – сказал на прощание Мельник и двинулся восвояси, волоча в руке корзину с цветами и водрузив на плечо доску Гансика.

– До свидания! – крикнул Маленький Ганс, и весело принялся шуровать лопатой. Как он был рад, что теперь у него появилась своя собственная садовая тачка!

На следующий день, подвязывая ветки жимолости над крыльцом своей хижины, он вдруг услышал громкий оклик, это Мельник издали подзывал его с дороги. Гансик спрыгнул с лестницы, пробежал по саду и выглянул через ограду.

Там он увидел согнутого дугой Мельника с большим мешком муки на спине.

– Дорогой Крошка Гансик! – крикнул Мельник, – Ты не снесёшь этот мешок муки на базар?

– О, я очень извиняюсь! – сказал Ганс, – Я бы и рад, но к сожалению сейчас я слишком занят! Я должен поднять все мои выюнки, полить все цветы и до ночи постричь траву!

– Нет, на самом деле, – возмутился Мельник, – я был так уверен в твоём искреннем дружелюбии и поэто-

му подарил тебе тачку, а ты теперь отказываешь мне в помощи!

– О, не надо говорить так! – закричал Крошка Ганс, – Ничто на свете не заставит меня поступать не по дружески к вам!

Он сбегал в дом, захватил там свою шапку и заковылял на рынок с огромным мешком на плечах.

Днём стояла страшная жара, дорога была ужасно пыльной, и не дойдя до шестого милевого камня Гансик так утомился, что поневоле сел немного передохнуть под ивой. Наконец собрав все свои силы, он пошёл дальше и в конце концов дошёл до рынка. Немного погодя он удачно продал муку и сразу же отправился в обратный путь.

– Что за трудный денёк мне выдался! – сетовал Крошка Гансик, с трудом заползая в постель, – Но как же я рад, что не подвёл Хью Мельника! Он ведь, как ни крути, мой самый лучший друг, и помимо этого обещал подарить мне свою лучшую тачку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.